

*А.Г.Глинчикова,
кандидат философских наук.
Московский государственный
лингвистический университет*

Политический кризис в России: истоки и перспективы

Политический кризис 17 августа 1998 г. был проявлением глубинных процессов, протекавших в российском обществе. Поэтому сегодня особенно важно понять: символом чего были эти события? Какие силы реально вступили в процесс трансформации советского общества, каковы изначально были их интересы и кто победил в результате этого столкновения?

На сегодняшний день существует общая традиционная постановка вопроса, поддерживаемая и истеблишментом, в силу которой основные стороны, противостоящие в процессе реформ, это те, кто выступает, с одной стороны, за сохранение прежних социалистических форм собственности, централизованного нерыночного, недемократического развития общества, а с другой — за рыночную трансформацию, основанную на частной собственности на средства производства и демократии. Если первый полюс (левый) отождествляется с коммунистами, то правый полюс ассоциируется с защитниками капиталистического пути развития, которые нашли свое воплощение в виде так называемых олигархов. Между ними существует множество промежуточных слоев, политическая градация, но основные противостоящие друг другу в процессе реформ социальные силы именно эти. Народ (средние слои, предприниматели и интеллигенция) должен выбирать одно из этих двух направлений, противоречие между которыми и составляет основное противоречие эпохи реформ. Сделать этот выбор среднему классу оказывается сложно, потому что он прекрасно помнит, как существовал в эпоху коммунизма, не позволявшего обществу реализовать свой потенциал, вместе с тем он чувствует, что и капитализм вовсе не является его стихией, и отсюда некоторая растерянность, стагнация, причем не только политическая и экономическая, но и идейная. Думается, что причина невозможности подобного выбора заключается в том, что на самом деле это псевдovýбор, это противоречие внутри одного класса общества, его господствующей элиты, оно не отражает реального противостояния социальных сил в обществе. Средним слоям и предпринимателям предлагается делать выбор между двумя ветвями элиты, которые в равной степени враждебны по отношению к ним, по отношению к обществу в целом. Итак, и олигархи, и сторонники коммунистического пути на самом деле являются двумя ипостасями одной и той же социальной силы. Что это за сила? И какова ее природа?

Кто реально противостоит друг другу?

Эта социальная сила есть не что иное, как класс распределителей. Кто такие распределители и на чем основывается их единство и власть? Прежде всего, это чиновники-управленцы, государственная распределительная бюрократия. Однако не всякие государственные чиновники являются классом распределителей. Так, в обществе с рыночной экономикой государственные чиновники-управленцы по своему социальному статусу в большей мере близки представителям сферы услуг, наемным работникам, новым средним слоям, в то время как в обществе, которое основывается на

распределительной экономике и государственной собственности, государственные чиновники-управленцы — это не наемные работники, а представители господствующего класса, который противостоит среднему классу, интеллигенции и новым средним слоям. Почему одно и то же на первый взгляд место — место государственных управленцев тем не менее так отличается по своей социально-политической и экономической природе в зависимости от отношений собственности, господствующих в обществе?

В обществе нерыночном, базирующемся на государственной собственности на средства производства, государственным чиновникам присущи экономические функции, которые в рыночном обществе осуществляет рынок — функции взаимодействия производителя и потребителя. Именно узурпация функций рынка, без которых невозможно существование современного общества, является важнейшим источником власти и господства чиновников-распределителей. Именно это и определяет их антирыночную природу, именно поэтому чиновники-распределители в любой своей ипостаси противостоят рынку, как своему врагу, потому что рынок стремится занять их место, их социальную нишу и лишить их монополии на бесконтрольное распоряжение общественным продуктом по своему усмотрению, монополии на привилегированное место в обществе. Поэтому-то, кстати, усиление государства никогда, ни при каких условиях не обеспечит защиты рынка. И хотя класс этот в результате известных реформ уже не является однородным, как это было в эпоху коммунизма, тем не менее это никак не отразилось на его единой антирыночной, антидемократической распределительной природе. Кто же реально противостоит классу распределителей?

В любом обществе, в том числе советском, российском, есть социальные слои, которые связаны с определенным типом общественных отношений напрямую и вне этих отношений они невозможны. Распределители, это как раз те силы, которые могут существовать и сохранять свои привилегии только в условиях распределительной экономики. Но есть в обществе и такие социальные силы, и их большинство, которые не связаны напрямую с определенным типом организации общества. Эти люди создают продукт, полезный обществу, причем вовсе необязательно материальный, это может быть и интеллектуальный продукт, и услуги, и т.д. Речь идет об учителях, врачах, инженерах, рабочих, преподавателях, ученых, художниках и др. — обо всех тех людях, которые и являются национальными производителями и потребителями. Если мы хотим оценить общую логику развития реформ, важно понять, с чего начинались эти реформы, какова была изначальная природа антикоммунистического протеста, как она эволюционировала. Ведь антикоммунистический протест, с которого начались перестройка

и реформы, не был однородным и уж тем более изначально капиталистическим, либеральным. Эволюция антикоммунистического протеста в СССР, а затем в России оказала решающее влияние на общий ход реформ и формирование вектора современного развития России. В чем же заключалась эта эволюция?

Эволюция антикоммунистического протеста

По всей вероятности, на протяжении 70 лет существовало не противостояние капитализма коммунизму, речь шла скорее о двух типах, двух формах индустриального развития общества. Это тип рыночного индустриального развития и распределительный тип индустриального развития, который был в СССР. До определенного момента и рыночный, и распределительный типы достаточно адекватно обеспечивали индустриальное развитие общества и конкуренцию на этой базе. Однако уже в 60-е годы сначала на Западе, а затем и в России начали развиваться процессы, свидетельствовавшие об исчерпанности индустриального типа развития и переходе к постиндустриальному обществу, где определяющими должны были стать развитие науки, наукоемких отраслей и технологий, переход к новому информационному обществу. Такой переход был невозможен без определенной политической трансформации, поскольку изменилась роль науки, образования, появились новые средние слои и, соответственно, должны были измениться и формы контроля со стороны общества за принятием политических решений, а также принципы управления обществом, принципы распределения информации и конечно же образовательная, культурная структура общества и условия ее формирования.

На этом этапе традиционный капитализм на Западе оказывался недостаточным, и 60—70-е годы стали годами активного постиндустриального протеста, который выразился в движении новых средних слоев за альтернативные модели общественного развития и политического участия. Направленность этого протеста на Западе носила явный антибюрократический характер. Процесс этот имел несколько фаз: первая — нарастание значения социальной сферы, а вторая — ограничение социальной сферы теми областями производства, где она действительно эффективна, и возвращение к рынку там, где наиболее эффективным оказывался именно рыночный тип распределения и обмена. Денационализация и приватизация 80-х годов на Западе как раз и явились вторым этапом постиндустриальных реформ, в основе которых лежал поиск меры социализации общества. Параллельно шел процесс поиска новых форм контроля общества над бюрократией в виде "соучастия", движения гражданских инициатив или каких-либо иных

моделей, альтернативных традиционным централизованным бюрократическим моделям.

Те же самые проблемы (контроль над бюрократией, повышение качества жизни, эффективность сферы науки и образования, внедрение научных достижений в производство, в экономику) явились исходными причинами антибюрократического протеста в СССР во второй половине 80-х годов, т.е., по сути, протест перестроечный, с которого начинались реформы в России — это не столько "антисоциалистический" протест, сколько *постиндустриальный*. Советский Союз также подошел к тому этапу, когда индустриальный тип развития себя исчерпал, просто здесь эти проблемы решались в несколько иной ситуации.

Однако выяснилось, что ограничение и трансформация бюрократии невозможны, если не затронуть экономическую основу ее власти, каковой являлась государственная собственность на средства производства. Ту самую экономическую основу, которая в западных обществах не была так сильна, как в России, хотя и там имела место приватизация. Отсюда начинается следующий этап — трансформация постиндустриального протеста начала реформ в следующий этап, когда выяснилось, что для осуществления постиндустриальных преобразований общества необходима трансформация собственности, либерализация экономики путем введения частной собственности и развития рыночных отношений. Так на повестку дня вышла либеральная проблематика. Поначалу либеральная проблематика, внедрение частной собственности рассматривались общественными силами антибюрократического протеста как средство для дальнейшего осуществления постиндустриальных преобразований. По другому восприняла идею частной собственности традиционная бюрократия и класс распределителей. Особенности российской ситуации состояла в том, что либеральная фразеология и частная собственность стали девизом прямо противоположных сил. Однако *цели* использования частной собственности оказались разными. Главная задача распределителей — использовать частную собственность не как инструмент постиндустриальной трансформации общества, а, наоборот, как инструмент торможения и поворота общественного развития вспять от того опасного для распределительной бюрократии рубежа постиндустриализма, на который выходило советское общество к середине 80-х годов. В этом случае частная собственность использовалась для конвертации той политической власти, которой они обладали, в собственность и для разрушения социальной базы постиндустриального протеста, какой являются новые средние слои и интеллигенция.

Здесь важно обратить внимание на распространенную ошибку относительно природы среднего класса. Не следует путать средний

класс XIX в., называвшейся в марксистской литературе классом "средней и мелкой буржуазии", и новые средние слои, сформировавшиеся в период развитого индустриального общества, связанные с эпохой НТР и массовой интеллектуализацией производства. Они могут иметь общие интересы, в частности, на постиндустриальном этапе развития (но никак не ранее), те и другие начинают противостоять распределителям, но тем не менее это *разные* социальные силы, совместные действия которых нуждаются в специальном теоретическом, идеологическом обосновании и политическом осуществлении на условиях социального компромисса. Отсутствие такого понимания и компромисса в России явилось причиной раскола и ожесточенного противостояния в лагере рыночных и демократических сил, что и позволило классу распределителей использовать частную собственность для архаизации и деградации общества с целью максимально возможного продления бюрократических форм контроля и управления обществом. Разрушение новых средних слоев, связанных с наукой, образованием, наукоемким производством явилось разрушением базы постиндустриального протеста, который представлял не меньшую угрозу для распределителей, чем рынок.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, когда советское общество вышло на рубеж индустриализма и уже не могло оставаться на этом этапе, было предложено два пути дальнейшей трансформации. Либо двинуться вперед к постиндустриальному обществу, либо двинуться назад к индустриальному обществу, с тем чтобы продлить господство класса распределителей. Реально же вопрос, в каком направлении пойдет общество, трансформировался в вопрос, "как" будет использоваться частная собственность, как политически, экономически, социально будет осуществлен переход от государственной собственности к частной. Роковая ошибка либералов заключалась именно в том, что они не поняли значения этого "как", им казалось, что все равно "как", любая приватизация рано или поздно породит рынок, любая приватизация лучше государственно-коммунистических отношений собственности. Тот факт, что частная собственность может быть использована для обращения общественного развития вспять, для регресса, не был тогда очевиден. Это дало возможность распределителям под видом прогрессивных рыночных реформ де-факто осуществить архаизацию общества.

Как и почему победили распределители?

Если опыт Запада свидетельствовал о том, что частная собственность сама по себе, без соответствующих социально-экономических преобразований не порождает постиндустриального общества, то опыт России показал, что не всякая приватизация, не вся-

кая частная собственность порождают постиндустриальные перспективы и даже не всякая частная собственность порождает капитализм. Основная задача, стоявшая перед вступившими в реформы распределителями, заключалась в том, чтобы, с одной стороны, сохранить распределительную экономику как основу своего господствующего положения и как источник присвоения общественных средств, а с другой — максимально избавиться от форм контроля, характерных для коммунистического общества (партийный контроль, государственный контроль, контроль правоохранительных органов и спецслужб), конвертировав свою власть в собственность.

Но ведь частная собственность, по сути своей, влечет за собой рынок, порождает рыночные отношения, поэтому задача распределителей была более сложной — ввести частную собственность, чтобы она не порождала рынок в России. С этой задачей распределители пока блестяще справляются, благодаря ошибкам реформаторов и отсталости нашей политической и экономической науки. Но и помимо ошибок были факторы, способствовавшие специфическому типу внедрения частной собственности в России. Один из них заключается в том, что сегодня уровень мирового развития позволяет развести процессы накопления частной собственности и ее капитализации, что дает возможность приобретать и формировать собственность, используя распределительные механизмы, путем присвоения государственных средств, и при этом использовать ее капиталистически за пределами поля накопления, т.е. вне России. Наилучшим образом для этого подходят сферы добывающей промышленности, поскольку их эксплуатация наименее нуждается в развитии наукоемких технологий и рыночных отношений внутри страны. Возможно, что второй сферой, способной обеспечить подобные результаты, является военное производство, как сфера, для частного использования которой также можно обойтись без развитого внутреннего рынка, изменения его структуры.

Поэтому "олигархи", несмотря на частную собственность, вовсе не стали субъектами рыночного, капиталистического развития, напротив, они были заинтересованы в максимальном сдерживании рыночных отношений, что, естественно, вело к разрушению производства. Причем разрушал его не рынок, как утверждали распределители, а их собственные невероятные усилия не допустить его возникновения. Традиционные социалистические административные формы общественного взаимодействия и контроля были ликвидированы, в то время как рыночные формы не допускались. Это не могло не завершиться развалом производства, коль скоро оно базируется на разделении труда и нуждается хоть в адекватных формах распределения и обмена. Здесь обсуждается вопрос о том, в каком направлении идет развитие общества — в сторону архаи-

зации или модернизации? С моей точки зрения, распределители, несомненно, модернизировались, но модернизация этого класса привела к архаизации общества в целом.

Вторым результатом сложившегося в России типа использования частной собственности явилось разрушение класса предпринимателей и новых средних слоев. Оно стало результатом не только развала производства, но и фактического введения рынка в тех сферах, которые, по сути своей, даже в странах с развитой рыночной экономикой вовсе не являются сферами чисто рыночных отношений, т.е. в России все произошло с точностью до наоборот. Оставлены без бюджетного финансирования и брошены в рынок такие сферы, как образование, здравоохранение, наука, искусство, в то время как сфера производства максимально задержана на стадии социалистической, нерыночной, и при этом с нее были сняты все нерыночные, распределительные формы контроля.

Такое распространение рынка (под видом либерализации и реформ) на сферы социальные по своей природе привело к разрушению и деградации новых средних слоев — основного базиса постиндустриального протеста, одновременно вызвав их разочарование в либерализации общества, усилив антирыночные настроения внутри них и тем самым расколов лагерь демократических сил, ориентированных на рынок и постиндустриальную трансформацию. Фактически произошел раскол между народившимся классом мелких и средних собственников и новыми средними слоями, интеллигенцией, которая все больше стала склоняться к поддержке левого крыла распределителей и возвращению к прежним формам распределительного индустриального развития, которые стали казаться ей предпочтительнее полному развалу, псевдорыночного тупика. Поэтому-то никак не могут объединить усилия "Яблоко" и "Демократический выбор России". И дело здесь не просто в психологической несовместимости и личных амбициях лидеров, а, скорее, в действительных противоречиях внутри социальных сил, противостоящих классу распределителей, и отсутствии адекватной моменту идеологии политического и экономического компромиссов.

В чем же суть нынешнего момента и кто побеждает сегодня?

Уроки и выводы из политического кризиса

Предложенный и осуществленный распределителями путь осуществления либеральных реформ подготовил возвращение (с согласия общества) антирыночного типа господства распределителей. По сути, сегодня общество снова оказалось перед тем же выбором, что и в середине 80-х годов: либо предпринять рыноч-

ную трансформацию с целью реального продвижения по пути постиндустриального развития, либо вернуться к механизмам централизованного бюрократического контроля и распределения, усилив связь между производителем и потребителем за счет элиминации рынка. В результате господства распределителей-олигархов чаша весов склоняется ко второму варианту. Что этому способствует? Во-первых, деградация новых средних слоев, во-вторых, значительное обнищание населения, разграбленность страны, при которой возможности демократической рыночной трансформации ослабляются и возрастает популярность всякого рода мобилизационных моделей, столь близких сердцу чиновников-распределителей.

Эти моменты объективно — политически и экономически — подготовили переход власти уже к левому крылу класса распределителей. Фактически в России произошло следующее: в начале реформ от класса распределителей отпочковалась его часть, которая впоследствии получила название "олигархов" и которая взяла на себя функции осуществления приватизации таким образом, чтобы предотвратить возникновение рынка. В результате их действий перестали работать традиционные бюрократические формы контроля и взаимодействия производителя и потребителя, и не было допущено появление рынка. Произошел развал экономики, страны, общества. Поскольку реформы осуществлялись под лозунгом рыночной трансформации, развал вызвал негативную реакцию со стороны массового сознания на идеи развития рынка, к чему и стремился класс распределителей. Вместе с тем этот развал реально отбросил общество по уровню развития экономики, а соответственно, и новых средних слоев, на тот этап, когда рыночная и постиндустриальная трансформация стала менее возможной даже в сравнении с серединой 80-х годов. Именно это подготовило следующий этап — передачу эстафеты той части класса распределителей, которая связана с усилением полицейских, бюрократических форм контроля над обществом и распределительных механизмов в сфере экономики, с ренационализацией, отказом от рынка и демократии.

Эти силы приходят к власти сегодня. Нельзя сказать, чтобы это была тотальная власть. Им продолжают противостоять и средние слои, и народившийся под лозунгами частной собственности класс предпринимателей, стихией которого является рынок, но эти две силы сейчас разделены, разорваны и даже противостоят друг другу в результате очень умелой политики распределителей "олигархов", поэтому их единство очень проблематично. Силы, противостоящие классу распределителей, разорваны и ослаблены. Какие уроки можно извлечь из этой победы, что делать дальше, как действовать?

Прежде всего необходимо осознать то, что реально произошло и что сейчас необходимо с теоретической точки зрения. Часто приходится слышать, что теоретически все-де было правильно, но причины политического характера — "непонимание народа", "темнота масс" — не позволили практически реализовать правильную теорию. Но в действительности это не так! На самом деле важнейшей причиной провала рыночно-постиндустриальных реформ стала отсталость нашей политической и экономической теории, причем не от западных концепций, а от жизни и ее потребностей. Именно неадекватность этой теории и позволила распределителям использовать ее в своих интересах с прямо противоположными целями и результатами. Поэтому главная задача сейчас — развитие экономической и политической теории движения от индустриального к постиндустриальному обществу, трансформация общества распределительного индустриального типа в постиндустриальный. Необходимо выработать экономическую и политическую концепцию мер и шагов, при которой приватизация действительно повлечет развитие рыночных отношений, а рынок станет фундаментом дальнейшего развития постиндустриальных реформ.

Почему это необходимо и как практически это можно осуществить? С политической точки зрения это необходимо для того, чтобы объединить в постиндустриальном протесте против распределителей разрозненные сегодня силы предпринимателей и силы интеллигенции, научных работников, участников наукоемкого производства. Между этими силами есть противоречия, но есть и много общего, и это общее должно быть выявлено, отражено в экономической и политической теории. Для этого надо понять, какие сферы могут быть трансформированы и переведены на рыночные рельсы, какие сферы должны носить социальный характер. Необходимо найти оптимальную меру рыночных и социальных механизмов в российском обществе и одновременно выработать механизмы трансформации и взаимодействия этих двух сфер. Это важнейшая теоретическая и практическая задача сегодня, без решения которой невозможно позитивное преодоление кризиса, объединение антираспределительных сил в нашем обществе и возобновление его движения в направлении постиндустриализации.

Более конкретные политические уроки, которые можно извлечь из сложившейся ситуации, заключаются в следующем:

Первый из них — совершенно очевидная неэффективность чисто бюрократических механизмов внедрения рынка. Государство распределителей вовсе не является нейтральным арбитром и защитником абстрактной законности; частная собственность, внедренная через бюрократические механизмы, не порождает рынок, не ведет к качественной трансформации социальной природы клас-

са распределителей. Более того, в этих условиях оказывается возможной ассимиляция частной собственности в распределительную экономику. Путь превращения распределителей в капиталистов через конвертацию государственной власти в их частное владение оказался тупиковым, ведущим общество к архаизации.

Второй вывод — это недостаточность чисто экономических механизмов для трансформации распределительной экономики. Преобразование экономики должно сопровождаться трансформацией социально-политической структуры, объединением и реальным развитием гражданского общества, что предполагает не только наличие демократических свобод, но и эволюцию политических партий в реальные факторы гражданского общества. Партии должны трансформироваться из подструктур распределительной элиты в политических представителей тех социальных слоев, чьи интересы они выражают и отстаивают. Пренебрежение поддержкой масс, характерное на сегодняшний день для либеральных и демократических сил, играет опасную роль, ибо препятствует нормальному развитию гражданского общества. Силы, ориентированные на демократию, должны стать действительно народными. Потенциально выражая интересы народа и модернизации страны, они не создали пока идеологии, адекватной своей реальной объективной социальной природе.

Третий — необходимо, чтобы идеология и стратегия антираспределительных партий была представлена не просто как стратегия защиты рынка, демократии и постиндустриальных ценностей, но и как стратегия, выражающая общенациональный интерес. Потому что объективно она действительно его выражает, в то время как субъективно в самой идеологии этот компонент практически отсутствует. Присутствие же его совершенно необходимо, если эта идеология хочет стать действительным фактором общественного движения, а не марионеточной "оппозиции".

Четвертый (исключительно важный) вывод — силам постиндустриального антираспределительного протеста необходимо искать союзников не только по линии МВФ или каких-то государственных организаций, объединений, но и среди социальных сил, противостоящих распределительно-бюрократическим тенденциям в других странах. Единство антибюрократических, постиндустриальных сил, базирующихся на социальных, политических негосударственных контактах, важно развивать. Необходимо опираться не только на свой собственный народ, но и на единство с мировыми постиндустриальными силами, с новыми средними слоями. Необходимо искать союз с ними, обмениваться политическим и теоретическим опытом, создавая единое социальное поле постиндустриального политического пространства.

В целом же, несмотря на победу распределителей и явную тенденцию возвращения нерыночных, недемократических, централизованных форм распределительного контроля, нужно иметь в виду, что этот тип общественного устройства обречен и потому архаичен. Движение назад в истории означает распад, и сторонники прогресса, и сторонники дальнейшего развития российского общества и, соответственно, его выживания в мире, должны будут предложить дальнейшую стратегию борьбы, стратегию противостояния, стратегию оппозиции, стратегию победы.